

Н. Долинина

Княжна Марья Болконская

Война не дала спокойно умереть старому князю Николаю Андреевичу Болконскому. Та ночь, когда он заставил себя прочесть письмо сына и понять, что французы в четырех переходах от его дома, — та ночь не прошла даром. Старый генерал «как бы вдруг опомнился от сна» и погрузился в лихорадочную бессонную деятельность: собирал ополченцев, вооружал их, писал военачальникам... Силы его кончились внезапно: князь собирался ехать к главнокомандующему; он «в мундире и всех орденах, вышел из дома...» Так его и привели — почти принесли — обратно в дом через несколько минут, «маленького старичка в мундире и орденах», и княжна Марья со страхом увидела, что «прежнее строгое и решительное выражение его лица заменилось выражением робости и покорности».

Князь Андрей не знал, что случилось. Он думал, что отец и сестра в Москве, а на самом деле они уехали в Богучарово, лежавшее на дороге, по которой приближались французы. Князь Андрей получил известие, что отец его болен, но не понимал, как болен. Он не видел и не слышал того, что видели и слышали Алпатыч, дворовые. Он не мог себе представить выражения робости и покорности на властном лице отца.

Это выражение — признак приближающейся смерти; оно невыносимо для близких. Когда старый князь долгие дни лежал в беспомощности, «как изуродованный труп», это было только продолжением робости и покорности, так испугавших княжну Марью в первый день.

Старик больше не мог руководить дочерью. Еще несколько дней назад княжна Марья, замирая от страха, решила нарушить его волю и не уехала в Москву вместе с Николенькой и Десалем. Она боялась оставить отца одного — и поняла тогда, что он был доволен ее решением, хотя кричал на нее и не велел ей показываться ему на глаза.

Он тоже боялся остаться один, потому и кричал, и сердился на дочь: не мог он признаться ей в своей слабости... И вот оказалось, что опасения дочери не напрасны, его тайный страх оправдался: разбитый параличом, беспомощный, он внесен в дом, его положили на тот самый диван, «которого он так боялся в последнее время».

Теперь княжна Марья должна отвечать за него так же твердо, как он всю жизнь отвечал за нее. Дочь решила везти отца в Богучарово, и потянулись дни, когда старый князь лежал в беспомощности, а французы шли и шли по России, но княжна Марья не знала об этом, потому что день и ночь думала об отце, только об отце.

Толстой всегда беспощаден к тем своим героям, кого любит, и беспощаднее всех он к княжне Марье. Но чем больше читаешь о постыдных мыслях, владевших княжной Марьей, тем больше любишь ее.

«Не лучше ли бы было конец, совсем конец!» — иногда думала княжна Марья. Она день и ночь, почти без сна, следила за ним, и, страшно сказать, она часто следила за ним не с надеждой найти признаки облегчения, но следила, часто *желая* найти признаки приближения к концу».

Можно было бы обмануть себя, сказать себе, что эти мысли рождаются жалостью к страданиям больного. Но княжна Марья не обманывает себя: «что было еще ужаснее для княжны Марьи, это было то, что со времени болезни ее отца... в ней проснулись все заснувшие в ней, забытые личные желания и надежды... Как ни отстраняла она от себя, беспрестанно ей преходили в голову вопросы о том, как она теперь, после *того*, устроит свою жизнь».

Княжна Марья ужасается тому, что происходит в ее душе, и мучается, и стыдится, и не может перебороть себя. Что же, она не любит отца? Любит — больше, чем когда-нибудь, и это самое мучительное: «никогда ей так жалко не было, так страшно не было потерять его».

Накануне смерти старому князю стало лучше. Такое последнее утешение смерть дарует умирающему и его близким: княжна Марья поддалась утешению. «Душа болит», — невнятно сказал ей отец. «Все мысли! об тебе... мысли... Я тебя звал всю ночь...»

Невольно подчиняясь отцу, она теперь так же, как он говорил, старалась говорить больше знаками и как будто тоже с трудом ворочая язык.

— Душенька... — или — дружок... — Княжна Марья не могла разобрать; но наверное, по выражению его взгляда, сказано было нежное, ласкающее слово, которого он никогда не говорил. — Зачем не пришла?

«А я желала, желала его смерти!» — думала княжна Марья. Он помолчал.

— Спасибо тебе... дочь, дружок... за все, за все... прости... спасибо... прости... спасибо!.. — И слезы текли из его глаз. — Позовите Андрюшу, — вдруг сказал он, и что-то детски-робкое и недоверчивое выразилось в его лице при этом спросе».

Только перед смертью он позволил себе быть нежным. «Дочь, дружок...» И сына назвал Андрюшей... Но нет сына — он на войне, и в последний раз в сознание отца входит правда.

«Да, — сказал он явственно и тихо. — Погибла Россия! Погубили!»

Как страшно думать, что мальчики, убитые под Ленинградом, под Москвой, на Днепре, на Волге, так никогда и не узнали о красном флаге над рейхстагом. Как горько думать, что генерал-аншеф Болконский никогда не узнал: Россия не погибла...

Княжна Марья — в своем горе, в терзаниях совести, в страхе за отца. «Она не могла ничего понимать, ни о чем думать и ничего чувствовать, кроме своей страстной любви к отцу, любви, которой, ей казалось, она не знала до этой минуты». А отец умирает. Но он остается жить в дочери, — конечно, она не может сейчас этого понять, об этом думать.

«— Княжна, воля божья совершается, вы должны быть на все готовы, — сказал предводитель, встречая ее у входной двери.

— Оставьте меня; это неправда, — злобно крикнула она на него».

Вот когда в кроткой княжне Марье проснулся нрав отца. Прошло несколько часов — и, как отцу пришлось преодолеть свою старость, свое бессилие, так княжне Марье придется преодолеть свое горе, заполнившее всю ее жизнь после смерти отца.

«— Ах, ежели бы кто-нибудь знал, как мне все все равно теперь», — ответила она, когда мадмуазель Бурьен завела с ней разговор о том, что лучше бы не уезжать из Богучарова, а остаться в надежде на покровительство французов. Но вот она вынула из сумочки объявление французского генерала Рамо.

«Княжна Марья читала бумагу, и *сухие рыдания задержали ее лицо...* «Чтобы князь Андрей знал, что она во власти французов! Чтобы она, дочь князя Николая Андреевича Болконского, просила господина генерала Рамо оказать ей покровительство и пользоваться его благодеяниями!» — Эта мысль приводила ее в ужас, заставляла ее содрогаться, краснеть и *чувствовать еще не испытанные ею припадки злобы и гордости...*»

Так проснулся в ней нрав отца, и не удивительно, что княжна Марья думала теперь «не своими мыслями, но чувствуя себя обязанной думать за себя мыслями своего отца и брата... Требования жизни, которые она считала уничтоженными со смертью отца, вдруг с новой, еще неизвестной силой возникли перед княжной Марьей и охватили ее».

Смерть отца действительно освободила княжну Марью — как ни горько, но это так. В ту минуту, когда мадмуазель Бурьен стоит перед ней с воззванием французского генерала, княжна Марья, конечно, не думает о своей свободе — она вся во власти возмущения; она оскорблена — и эти чувства, как это было у ее отца, выливаются в быструю, решительную деятельность. Ехать, немедленно ехать — лишь бы не остаться у французов!

Но ехать нельзя — «дикие» богучаровские мужики не дают подвод. Попытка княжны Марьи договориться с ними приводит к обратным результатам: теперь мужики не только не дают подвод, но и княжну не хотят выпустить из Богучарова.

Вот тут и появляется Николай Ростов — романтический герой, каким видит его княжна Марья, но вовсе не романтический в глазах Толстого. В Богучарово он попал в поисках сена для лошадей, а с бунтующими мужиками объяснился самым прозаическим образом: при помощи кулаков.

В конфликте Ростова с крестьянами Толстой, скорее всего, на стороне Ростова: во-первых, он жалеет княжну Марью, которую крестьяне не выпускают из Богучарова; во-вторых, он осуждает крестьян, решивших остаться под властью французов, чтобы не потерять свое добро.

Мы тоже осуждаем крестьян за то, что они поддались на уговоры врага. Но в то же время нам обидно читать, как Ростов с помощью лакея Лаврушки одолел крестьянский бунт. Обидно понимать, как темно сознание крестьян, как дики их представления о добре и зле, правде и лжи, как робки их попытки самостоятельно, без указаний помещиков, решать свою судьбу.

И всего огорчительнее читать те страницы, где княжна Марья от всего сердца хочет помочь крестьянам, отдать им свой хлеб — она чувствует, что отец и брат сделали бы то же самое, — а крестьяне не понимают ее, видят хитрость в ее искреннем желании делать добро.

Толстой задумал свой роман как книгу о декабристе, вернувшемся из ссылки в шестидесятых годах XIX века. Потом он решил обратиться к более ранним временам — к самому восстанию декабристов. Затем — вернулся к войне 1812 года и еще раньше — к войне 1805–1807 годов. «Война и мир» стала книгой, показывающей формирование декабризма, — действие романа кончается за пять лет до событий на Сенатской площади. Мы уже видели, как плохо удавались попытки Пьера облегчить положение своих крестьян. Теперь перед нами — стена взаимного непонимания, отделяющая крепостных людей от их помещицы — княжны Марьи. Для богучаровских мужиков она чужая; но ведь среди них несколько лет прожил князь Андрей, стараясь, сколько возможно, облегчить их положение. Оказывается, это не помогло — крестьяне по-прежнему не верят в добрые намерения господ. Знаменитые слова Ленина: «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа», — были сказаны о декабристах через два года после смерти Толстого, в 1912 году. Но книга Толстого помогает нам глубже понять трагическую справедливость этих слов.

Вернемся к княжне Марье. Ростов явился как спаситель в трудный час ее жизни, совершил подвиг (иначе княжна Марья не может и не хочет назвать его поступок) и вошел в ее судьбу навсегда.

Ничего этого не было бы, будь старый князь жив и здоров. Никогда крестьяне не осмелились бы спорить с ним, не было бы ни бунта, ни спасения. Ростов купил бы у Алпатыча сено и уехал, даже не увидев княжну Марью, да вдобавок старый князь, скорее всего, встретил бы Николая надменно и презрительно, как брата той, которая оскорбила князя Андрея.

Теперь все произошло иначе — и получается, что смерть старого князя на самом деле освободила княжну Марью. В том-то и сложность наших отношений с родителями, что они действительно, хотя и невольно, своей заботой мешают нам быть самостоятельными. И чем ближе мы к своим родителям, чем больше любим и уважаем их, чем сильнее их душевная власть над нами, — тем больше они затрудняют нам жизнь, вовсе того не желая.

Кто в этом виноват? Да нет здесь виноватых; разве любовь может быть виной! И выхода из этого положения нет, потому что молодость, естественно, рвется к самостоятельности, к полноте ответственности за свою судьбу, а старые люди столь же естествен-

но держатся за свое место в жизни и не хотят отдать его молодым. Выхода нет, и остается только все равно любить, все равно жалеть своих стариков, потому что хуже всего становится, когда они уходят навсегда и уже никому мешать нам и властвовать над нами.